

УДК 81'373.512.31

**СЛОВО *зөөри* КАК ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ НАИМЕНОВАНИЕ
ИМУЩЕСТВА В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ В XVIII–XIX ВВ.**

**(на материале «Степных уложений хоринских бурят»
и «Степных уложений селенгинских бурят»)**

© **Брюханова Арюна Лопсоновна**

аспирант кафедры русского языка и общего языкознания
Института филологии и массовых коммуникаций,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: bryuxanowa@yandex.ru

© **Майоров Александр Петрович**

доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка и общего языкознания
Института филологии и массовых коммуникаций
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: map1955@mail.ru

Данная статья посвящена лексико-семантическому анализу слова *зөөри* как терминологического наименования имущества в бурятском языке XVIII–XIX вв. Употребление слова в бурятском языке в XVIII–XIX вв. будет рассмотрено на материале памятников писаного права бурят таких как «Степные уложения селенгинских бурят» и «Степные уложения хоринских бурят». В данной статье предметом исследования является слово *зөөри* и его участие в терминологическом составном наименовании *хүдэлхэ хүдэлхэгүй зөөри*. Прослеживаются какие из семантических признаков современного слова *зөөри* и развившиеся на их основе лексические значения были присущи данной лексеме в бурятском языке XVIII–XIX вв. Слово *зөөри* было употребительно в деловых текстах того времени как термин для обозначения родового понятия имущества. Первоначально проводится дефиниционный анализ установленных в указанных источниках наименований имущества по словарям современного бурятского языка. Затем, на основе выявленных семантических признаков современных названий имущества в сравнительно-историческом аспекте рассматривается имущественная лексика бурятского языка XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: имущественная лексика бурятского языка; наименования имущества; движимое и недвижимое имущество; лексико-семантический анализ; имущественные отношения; памятники писаного права бурят; бурятский язык XVIII–XIX вв.

Фундаментальность категории имущества и имущественных отношений, характерная для любого социума, неоспорима. Отношение человека к имуществу определяется сложными социокультурными, экономическими условиями, которые в ту или иную историческую эпоху диктуют разное представление о «моем и твоём», разную правовую подоплеку имущества.

Сложная история правовых отношений по вопросам собственности тесно переплетается со становлением юридического терминологического аппарата в этой области. Постепенное формирование института права собственности в различ-

ных социокультурных сообществах так или иначе отражается в языке. В частности, номинация видов имущества в разные исторические эпохи может многое рассказать о закономерностях развития упомянутых правовых понятий.

В данной статье впервые будет предпринята попытка лексико-семантического анализа слова *зөөри* как терминологического наименования имущества в бурятском языке XVIII–XIX вв., и в этом состоит научная новизна исследования. Употребление слова в бурятском языке в XVIII–XIX вв. будет рассмотрено на материале памятников писаного права бурят таких как «Степные уложения селенгинских бурят» и «Степные уложения хоринских бурят».

До присоединения Бурятии к России обычное право у бурят представляло единственный вид права. Они не знали писаных законов, общественная жизнь народа регулировалась на основе установившихся правовых обычаев, передававшихся устно из поколения в поколение.

С появлением письменности и началом кодификации норм обычного права появляются памятники писаного права. Поскольку этот процесс происходил в более поздние периоды, когда уже имело место разложение первобытнообщинного строя и сложение патриархально-феодальных отношений, то при кодификации нормы обычного права претерпевали значительные изменения. Господствующий класс пытался зафиксировать нормы права, которые отстаивали бы их интересы. Так как именно они фиксировали обычное право, их интересы были полностью защищены.

Появление писаных законов ознаменовало новый этап в общественно-политическом развитии бурятского общества. Старые методы урегулирования отношений между членами общества уже устарели [3, с. 3].

Материалы писаного права свидетельствуют о том, что бурятское общество в XVIII–XIX вв. уже раскалывалось на два антагонистических класса — патриархально-феодальную верхушку и крестьянство, подвергающееся различным формам эксплуатации, прикрывавшейся патриархальными обычаями и традициями [3, с. 5].

Как отмечает Е. С. Гылыкова, «имущественные отношения бурят в XVIII–XIX вв. определялись рамками хозяйственной деятельности населения. Традиционными формами хозяйствования являлись скотоводство, охота, звероловство и ремесленное дело, поэтому в круг объектов имущественных отношений, регулируемых обычаями, входили вещи, деньги, работы, услуги и имущественные права. Земледелие не входило в число основных форм хозяйствования бурят в силу ряда обстоятельств, основным из которых являлся кочевой образ жизни народа. Отсюда особенность земельных отношений бурят, заключавшаяся в том, что земля выступала в качестве самостоятельного объекта имущественных отношений, используемого только в целях удовлетворения потребностей скотоводческого хозяйства. Как вид имущества она обладала иной ценностью по сравнению с той, которую она имела у оседлых народов, и поэтому не являлась основным объектом имущественных отношений. Именно по этой причине у бурят не получили развитие феодальные отношения, имевшие место у всех оседлых народов рассматриваемого периода» [1, с. 12] и, как результат, типичные для этого общественного строя понятия собственности, отражаемые в языке.

Богатая лексическая содержательность таких деловых текстов, как «Обычное право хоринских бурят: памятники старомонгольской письменности» (пер. Ци-

бикова Б.Д.) и «Обычное право селенгинских бурят» (пер. Цибилова Б. Д.), позволяет выявить наименования имущества в бурятском языке в XVIII–XIX вв. и подвергнуть их лексико-семантическому анализу. В указанных Степных уложениях они представлены лексемами и составными наименованиями *зөөри, хүдэлхэ ба хүдэлхэгүй зөөри, бууса, хото гэр, зэмсэг*. В данной статье предметом исследования является слово *зөөри* и его участие в терминологическом составном наименовании *хүдэлхэ хүдэлхэгүй зөөри*. Исследование методологически выстроено ретроспективно: первоначально проводится дефиниционный анализ установленных в указанных источниках наименований имущества по словарям современного бурятского языка. Затем, на основе выявленных семантических признаков современных названий имущества в сравнительно-историческом аспекте рассматривается имущественная лексика бурятского языка XVIII–XIX вв.

Слово *зөөри* в современном бурятском языке многозначно; в его семантике отражаются разнообразные черты понятия имущества, наиболее характерные виды имущественных отношений, типы имущества и др. В Бурятско-русском словаре (Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов) словарная статья данной лексемы представлена следующим образом:

зөөри ... имущество; средства; достояние, состояние, собственность; *гүрэнэй зөөри* — государственные средства; *урдань социалис зөөри байһанаа, тэрэнэй ехэнхинь дэлгүүрэй экономикодо ороһоной һүүлээр үмсэлэгдэжэ, мүнөө элдэб түхэлэй зөөри биш болонхой: тон өөрын, хушин, гүрэнэй, муниципальна, кооперативна, хамтын зөөри* раньше была социалистическая собственность, большая часть которой после перехода на рыночную экономику была приватизирована, и ныне появились различные виды собственности: личная, частная, государственная, муниципальная, коллективная; *хүдэлхэгүй хүдэлхэ зөөри. зөөри хогшол (түрүүшынхинь газар ба гэр, барилганууд, харин нүгөөдөн нэгэ тээһээ ондоо тээшэнь хүдэлгэжэ болохо зөөри болоно)* недвижимое и движимое имущество; *зөөри хогшол* пожитки, скарб; *зөөри гээшэ хүнэй тон үнэтэй юумэн бэшэ гэхэ: зөөри — шүүдэр, бэе — һүүдэр гэхэн үгэ биш* говорят, что собственность — не самое ценное в жизни человека, ибо собственность — роса, а жизнь человека — тень; *зөөришэнь хаһан абалга* экспроприация, лишение имущества; *зөөри шадал* состояние, пожитки, скарб; *зөөри хара* собир. вещи, имущество [5, с. 405].

Какие же семантические признаки формируют лексические значения слова *зөөри*? Прежде всего, выделим основные семы, присущие содержанию этого слова:

(1) Первый признак — это ‘принадлежность имущества кому-л.’. Данная сема (1) характеризуется как неотъемлемое, имманентное свойство понятия «имущества»: только при наличии в семантике слова признака принадлежности кому-либо материальных ценностей, вещей можно говорить о понятии «имущества».

(2) Другая актуальная сема в содержании современного слова *зөөри* — это ‘общественная форма присвоения материальных благ’ (например, в составных наименованиях *гүрэнэй, муниципальна, кооперативна, хамтын зөөри*) получает отражение этот семантический признак.

(3) Третья сема представляет собой характеристику мелкого имущества, домашних вещей, она актуализируется, например, в устойчивом словосочетании *зөөри хогшол*.

(4) Наконец, четвертая сема связана с обозначением движимого и недвижимого имущества — *хүдэлхэ ба хүдэлхэгүй зөөри хогшол*.

Помимо этого авторами словаря в лексеме *зөөри* выделяются семантические признаки ‘принадлежность кому-л., чему-л. с правом полного распоряжения’; ‘социальная характеристика кого-л. по находящейся в его владении собственности, имущественное положение’; ‘материальные ценности, деньги’; ‘богатство’ и др.

Попробуем проследить, какие из вышеназванных семантических признаков современного слова *зөөри* и развившиеся на их основе лексические значения были присущи данной лексеме в бурятском языке XVIII–XIX вв.

Прежде всего сразу следует заметить, что слово *зөөри* было употребительно в деловых текстах того времени как термин для обозначения родового понятия имущества. Соответственно, общей для всех лексико-семантических вариантов слова выступала главная, объединяющая их сема ‘собственность, принадлежность имущества кому-л.’. Со значением ‘имущество, находящееся в собственности у кого-л.’ слово *зөөри* отмечается в следующих контекстах:

Аха дүү үгы хубараг хара хэн хүн ондоо нютагай хэн хүндэ зөөри эдүүлхэ гэжэ гэршэ бэшэг үлээһэн болбол нютагай ахалагша сайд мэдэхэ гэхэн гэршэ бэшэг үгы болбол өөрын гарай бэшэг үгы боложо зөөринь өөрын нютагта абтаха (Степн. Ул. 1823, № 58).

[Перевод: Если духовное лицо или мирянин, не имеющий родственников, оставил письменное свидетельство о передачи его имущества человеку из другого оттока, но не оставил письменного свидетельства, данного главным сайтом оттока, то считать недействительным собственноручное свидетельство, и имущество его взять в свой отток].

Эрэээ үхүүлэн эхэнэр хүбүүн үритэйгөө гү, али басаган үритэйгөө нуужа байхадань үхэнэн эрынь түрэл ба ойро түрэлэйн аха дүүнэр биш болбол тэрэ эхэнэрье залгажа абаже болохо. Найнаар таараа хаа, тэрэ эрэ хүнтэй нишлээд нуужа болохо. Зүгөөр урдаху эрэнэе гараһан хүбүүнэй зөөридэ хожсомой залгагша эрэ хамаагүй (Степн. Ул. 1823, № 61).

[Перевод: Если умерет муж, оставив жену с детьми как с мальчиками, так и с девочками, и у него будут родные или близкие братья, которые пожелают взять эту женщину в жены, то она при отсутствии препятствий с чьей-либо стороны и наличии согласия может жить с ним как с мужем. Однако второй муж не должен распоряжаться имуществом сыновей прежнего мужа].

Эсэгэ хүн ехэ хүбүүгээ гэрлүүлээд, үмсэ зөөри үгээжэ гаргаад бэшэ хүбүүдын гэрлээ үгы байтар эсэгэ эхэнэ наһан болоһоной хойно зөөри үгы үлдэнэн хүбүүд үгытэйдэ тоологдохо ахайн тэдэниие гэрлүүлжэ болохогүй. Зөөри үгээжэ болохогүй (Степн. Ул. 1823, № 128).

[Перевод: Если отец, женив старшего сына и наделив имуществом, выделил его, и, не успев женить других сыновей, умерут родители, а остальные сыновья останутся без имущества, то старший брат не обязан их женить и наделять имуществом].

Эсэгэ эхэ хоёр амиды байхадаа өөрын зөөриһөө хадамда үгэнэн басагандаа үгөөд хүүлдэн өөрын зөөри үгы үлдэжэ үхэнэн болбол хүбүүдын энэ хадамда үгэнэн басаганһаа зөөри нэхэхэ хуули үгы (Степн. Ул. 1823, № 129).

[Перевод: Если отец и мать при жизни отдают часть своего имущества выданным замуж дочерям, а после, оставшись без имущества, помрут, то их сыновья не имеют право требовать имущества от тех дочерей, которые были выданы замуж].

Выявляемое во всех четырех контекстах «Степных Уложений...» значение 'имущество, находящееся в собственности у кого-л.' известно слову *зөөри* в современном бурятском языке, и не исключено, что главную роль в формировании данного значения в литературном языке сыграл язык исследуемых деловых текстов, в которых совершенствовалась терминологическая точность лексемы *зөөри*. В частности, сема 'собственность' четко актуализируется во всех статьях 128, 129, 58, 61, в которых так или иначе речь идет о наследовании имущества. Актуализации этой семы способствует то, что в этих статьях, особенно в № 128, 129 акцент делается не на имуществе как таковом, а на праве владения им, которое может передаваться от одного лица другому (*хүбүүгээ гэрлүүлээд, үмсэ зөөри үгээжэ; эсэгэ эхэ хоёр амида байхадаа өөрын зөөриһөө хадамда үгээн басагандаа үгөөд*).

Другой семантический признак, получающий в то время развитие у термина *зөөри*, — 'движимость (имущества)'. На его основе формируется значение 'движимое имущество', и слово в этом значении представлено в следующих контекстах:

Басаган хадамда үгтээн хойноо энжэ мал болон заһалһаа бэшэ ондоо зөөридэ хабаа үгы. Үлдээн зөөринь аха дүүнэрын абаха ёһотой (Степн.Ул. 1823, № 64).

[Перевод: После выдачи замуж девушка не имеет отношения к имуществу, кроме приданого — скота и других вещей. Оставшееся ее имущество переходит во владение родственников].

Хэрбээ хэн хүн уялга бэшэг болон гардаамалтай хэн хүнһөө мүнгэ ба али бэшэ юүмэ абаад түлэжэ болохо шадалтай зөөритэй байгаад зорюутаар үгэн үгы зөөриие нюужа даража байһанинь мэдэгдэбэл тэрэнэй гардаамалые абажа байгаад тэрээгээр гэршэлүүлэн али байха зөөриинь бэшэжэ абаха бурханай ном болон дансын зүйлэй үнгын тоног, эшэгы гэр тогоо түлга ба мори, тугалтай үнээ, хурьгатай хони, эшэгэтэй ямаа, гэртэхинэй хубсаһа болон абанан үбһэн, тариан талханһаа бултын бодожо үгөөд эдээнһээ үлдээн юүмын сэгнэжэ бэшээд, бүхы ойрын зондо зарлажа байбалын, тэрээгээр олоһон мүнгөөр түлэхэ. Хэрбээ энэ мүнгэнэй хүрөөгүй болбол гардаамалын хүсөөр түлүүлээд тэрэ гардаагшань хэзээ шадалтай болоһон сагтань нэхэжэ абаха (Степн. Ул. 1823, № 107).

[Перевод: Если кто, получив деньги или прочие вещи от другого с письменным обязательством и поручительством, имея имущество и будучи в силах заплатить, нарочно не будет платить, утаив свое имущество, и это станет известно, то при присутствии его поручителя в качестве понятого все его имущество, за исключением бурханов, священных книг и их оберток, разных инструментов, войлочной юрты, домашней утвари, одной лошади, коровы с теленком, овцы с ягненком, козы с козленком, одежды, нужной для членов семьи, из заготовленного сена и хлеба, оставив необходимое для прокормления, — все остальное описать, оценить и, объявив ближайшему населению, распродать. Вырученными деньгами оплатить долги. Если и после этого не будет хватать, то оплатить за счет поручителя, а последний должен получить с должника тогда, как он будет в достатке].

Так же как в приведенных выше контекстах, иллюстрирующих значение 'имущество, находящееся в собственности у кого-л.', слово *зөөри* отмечено се-

мой ‘собственность’, но в данном случае контексты раскрывают понятие имущества как совокупности вещей, принадлежащих кому-либо — скот, инструменты, юрта, утварь и т.п., которое отлагается в лексическом значении ‘движимое имущество’.

Так, в статье №107 понятие имущества как совокупности материальных ценностей эксплицитно представлено через перечисление наименований тех вещей, которые не подлежат описи и оценке (*бурханай ном болон дансын зүйлэй үнгын тоног, эшэги гэр тогоо тулга ба мори, тугалтай үнээ, хурьгатай хони, эшэгэтэй ямаа, гэртэхинэй хубсаһа болон*). Кроме того, в тех или иных статьях уложений лексическая сочетаемость слова *зөөри* подсказывает, что это было имущество, которое можно было перемещать: *үлдэһэн зөөринь аха дүүнэрынь абаха*.

Категоризация понятия движимого имущества в системе правовых понятий неизбежно должна была повлечь за собой появление понятия недвижимого имущества, что в свою очередь предопределило возникновение в бурятском языке специального термина, выражающего указанную юридическую дифференциацию имущества — *хүдэлхэ ба хүдэлхэгүй зөөри*. В исследуемых источниках данное выражение употребляется в следующих контекстах:

Эрэгүй гэргэн хүн түрэнхэн үригэ түрхэм эсэгийнгээ нэрэ дээрэ бэшэхэ, үргэмжыень арбан найман наһа хүрэтэрнь тэрэ эсэгийн даабарида үгэхэ. Зүгөөр энэ эсэгийн хүдэлхэ ба хүдэлхэгүй зөөридэ тэрэ хүбүүн хабаагүй болохо (Степн.Ул. 1823, № 122).

[Перевод: Ребенка, рожденного незамужней женщиной, записывать по ревизии на имя ее отца, так же воспитание его до 18 лет поручить этому родителю. Но он не должен иметь отношения к движимому и недвижимому имуществу этого родителя].

Ямаршые лама хүн шажанай ёһоор һамга абахагүй байһан тула хэзээшые үхибүүд үгы байдаг, тиимэ тула заража һуухын тула түрэнхэн аха дүү ба үеэлэ хаяала ашанарһаа ба ураг элигэнэй хүнүүдһээ бээдээ татажа абаад али өөрын тэдэнтэй ба али түрэл бэшэ гаднын хүнтэй нишлэжэ заража һуугаад үхэхэ үедэ хүдэлхэ ба хүдэлхэгүй зөөри духовной байха ба байхагүйи ламын зарлигаар тэрэнтэй байжа шадарлажа аша туһа хэһэн хэн хүн үлдэһэн зөөри абаха. Ондоо аха дүү түрэл саданарын тусхай өөрын зөөритэй байгаа болбол ламын амиды сагта ямаршые аша туһа хээгүй болбол зөөриһөөнь хубалдахагүй абаха гэжэ горидохо үгы (Степн.Ул. 1823, № 136).

[Перевод: Поскольку лама, по законам религии, не должен иметь жены, а потому никогда не имеет детей, и, если, будучи богатым, приблизит к себе для прислуживания кого-нибудь из родных, двоюродных, троюродных братьев, племянников или других родственников, или же сам же приобщится к ним, а при отсутствии родственников будет жить вместе с посторонним человеком и пользоваться его услугами, то после его смерти все движимое и недвижимое имущество, оставшееся после поминания, должен получить по духовному завещанию (или без него) тот, кто жил по повелению ламы с ним и оказывал ему услуги и помощь. Имеющие прочие братья и родственники, владеющие самостоятельным имуществом, если при жизни ламы никаких услуг и помощи ему не оказывали, к его имуществу не должны касаться и надеяться получить].

В отличие от понятия движимого имущества из содержания данных контекстов невозможно установить, что подразумевается под недвижимым имуществом, какие виды материальных ценностей в бурятском языке XIX в. обозначал термин *хүдэлхэгүй зөөри*. В институте права оседлых народов понятие недвижимого имущества обычно охватывает земельную собственность, жилые строения и хозяйственные постройки. Однако в свете особенностей хозяйственной деятельности бурятского населения — скотоводства, земля и строения не считались видом недвижимого имущества.

Предположительно, под выражением *хүдэлхэгүй зөөри* понималось имущество, которое нельзя было передавать в собственность другому в силу определенных этнокультурных и этноконфессиональных соображений. Иными словами, понятие недвижимого имущества у бурят предполагало не невозможность физического перемещения предметов, а запрет передавать кому-либо право владения на сакральные предметы — статуэтки бурханов, священные книги и т.п. Характерно, что в статье Уложения № 107, содержащей предписание описать, оценить и распродать имущество должника, среди разных вещей не подлежат описи и распродаже бурханы, священные книги и их обертки.

В современном бурятском языке выявленное составное наименование сохранилось с добавлением в его состав лексемы *хогшол* — *хүдэлхэ ба хүдэлхэгүй зөөри хогшол*. По данным Бурятско-русского словаря (Л.Д. Шагдаров, К.М. Черемисов) оно означает *түрүүшынхинь газар ба гэр, барилганууд, харин нүгөөдэнь нэгэ тээһээ ондоо тээшэнь хүдэлгэжэ болохо зөөри болоно*; недвижимое и движимое имущество. [5, стр. 405] В Бурят-монгольско-русский словаре (ред. Ц.Б. Цыдендамбаев) используются несколько иные словесные обороты для обозначения движимого и недвижимого имущества — *хүдэлхэ зөөри* ‘движимое имущество’, *хүдэлхэгүй зөөри* ‘недвижимое имущество’.

Третья сема, выявляемая в семантике старобурятского слова *зөөри* по текстам Степных уложений, — ‘достаток, богатство’. Лексическое значение, содержащее эту сему, на наш взгляд, представлена в следующем контексте употребления слова:

*Эрэээ үхүүлэн бэлбэһэн намган түрхэмдөө харижа бусаха болбол анхандаа түрхэмһөө ерэхэдээ мори эмээл, хубсаһан шэмэгтэй ерэн болбол, моритой тугалтай эмээлтэй хубсаһанһаа һайнишэнь абажэ зэмсэгтэй бусаха түрхэмһөө ерэхэдээ мори эмээл, хубсаган, зэмсэг үгы ерэн болбол эрын **зөөри** элбэг байгаа болбол моринтой эмээлтэй үмдэн хубсанһаа абаха, зүүжэ ябаһан шэмэгүүдээ абаха. **Зөөри** үгы байгаа һаань үмдэн хубсаһанһаа абаад, ондоо юмэ абажэ болохогүй (Степн.Ул. 1823, № 44).*

[Перевод: Если после смерти мужа овдовевшая женщина пожелает вернуться к родителям и если в начале, при приезде от родителей, имела коня, седло, одежду, украшения, то должна вернуться домой, взяв коня, шубу, седло, из одежды по одной лучшей паре. Если от родителей приехала без седла, одежды, утвари и если имущество мужа достаточное, может взять коня, седло, из одежды, которую носила, по одной паре средней добротности и украшения, которые носила, если муж был без имущества, бедным, то кроме носимой одежды ничего брать не должна].

Лексическое значение ‘материальная обеспеченность, состояние’ у слова реализуется в высказывании *зөөри үгы байгаа һаань үмдэн хубсаһанһаа абаад, ондоо юмэ абажэ болохогүй* в котором «отсутствие имущества у мужа», явля-

А. Л. Брюханова. Слово *зөөри* как терминологическое наименование имущества в бурятском языке XVIII–XIX вв.

ющееся условием возвращения невестки домой без своего состояния, следует понимать как отсутствие достатка у мужа, его материальной обеспеченности.

Таким образом, сравнительный историко-ретроспективный анализ слова *зөөри* показал, что в отличие от разветвленной многозначности современной лексемы у данного слова в бурятском языке XVIII–XIX вв. были представлены три лексических значения: 1. ‘имущество, находящееся в собственности у кого-л.’; 2. ‘движимое имущество’; 3. ‘состояние, материальная обеспеченность’.

Указанные значения у слова *зөөри* формировались, когда оно выступало в роли юридического термина при характеристике имущественных отношений бурят в рамках формирующегося института права собственности в XVIII–XIX вв.

Литература

1. Гылыкова Е.С. Обычное право бурят (историко-правовое исследование): дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01; Российский университет дружбы народов; каф. теории и истории государства и права. М., 2005. 179 с.
2. Цибилов Б. Д. Обычное право селенгинских бурят / отв. ред. Р. Е. Пубаев. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. 282 с.
3. Цибилов Б. Д. Обычное право хоринских бурят: Памятники старомонгольской письменности. Новосибирск: ВО Наука, Сибирская издательская фирма, 1992. 312 с.
4. Черемисов К. М., Цыдендамбаев Ц. Б. Бурят-монгольско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. 852 с.
5. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. Улан-Удэ: Респ. типогр., 2010. 636 с.

THE WORD *ZÖÖRI* AS A TERMINOLOGICAL PROPERTY NAME IN BURYAT LANGUAGE OF THE 18-19TH CENTURIES (on the material of «The Steppe Law Codes of the Khorinsk Buryats» and «The Steppe Law Codes of the Selenga Buryats»)

Aryuna L. Bryukhanova

Postgraduate student of the Russian Language and General Linguistics Chair
of Philology and Mass Communications Institute at Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia

Alexander P. Mayorov

doctor of Sciences in Philology, professor of the Russian Language
and General Linguistics Chair of Philology and Mass Communications Institute at
Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia

This article is devoted to the lexical and semantic analysis of the word *zööri* as a terminological name for the property in Buryat language of the 18-19th centuries. This word use in Buryat language of the 18-19th centuries will be studied on the material of the manuscripts of the written law of the Buryat people «Stepnyye ulozheniya selenginskikh buryat» («The Steppe Law Codes of the Khorinsk Buryats») and «Stepnyye ulozheniya khorinskikh buryat» («The Steppe Law Codes of the Selenga Buryats»). In this article the subject of the research is the word *zööri* and its participation in the terminological compound name *khüdelkhe khüdelkhegüi zööri*. It is traced which of the semantic features of the modern word *zari* and the lexical meanings developed on their basis were inherent in this lexeme in the Buryat language of the XVIII-XIX centuries. The word *zööri* was commonly

used in business texts of that time as a term for the generic concept of property. Initially, a definitional analysis is made of the property names in the specified sources for dictionaries of the modern Buryat language. Then, on the basis of the revealed semantic features of modern names of property in a comparatively historical aspect, the property vocabulary of the Buryat language of the 18th-19th centuries is considered.

Keywords: property vocabulary of Buryat language; property names; movable and real property; lexical and semantic analysis; property relations; monuments of written law of Buryat; Buryat language of the 18th-19th centuries.